

Запомните [www.wuxiax.com] за одну секунду, быстрое обновление, без всплывающего окна, бесплатно для чтения!

"Иди, подай мне миску супа из черной курицы!"

"Уголовный департамент настолько беден, что у него даже нет черных куриц? Не значит ли это, что там часто бывают любовницы, которые набивают для вас деньги? После обвинения истца и защиты ответчика? А не то, что некоторые убийцы просто забивали белых уток, а богатые покупали бедных в качестве козлов отпущения. Что? Я слышал, что рыночная цена мертвеца - три тысячи две, а двор - три на двор... О, скоро будет суп из черной курицы? Ну, я не скажу.

"..."

Бабушка Хуань лежала на квадратном столе в тюрьме уголовного ведомства. Она с комфортом пила куриный бульон и напевала небольшую песенку. Она командовала группой тюремных служащих, которые плакали без слез. Они тоже обернулись и с сожалением сказали: "Увы, жаль, что не хватает людей..."

Через некоторое время Фэн Чживэй послал одеяло, большой ком и ядра грецкого ореха, а Янь Хуайши послал своей жене добавки. Куда бы ни были отправлены добавки, у него не было аптеки. В женшеневом птичьем гнезде повсюду были плавники акулы. Они также набили серебряные билеты для всех тюремных чиновников, которые присутствовали, и чиновники были желанными для супругов, которые были жеманными и послушными.

Фэн Чживэй улыбнулся и указал на рану на руке Хуацяна, поедая розово-золотой торт от Янь Кайши: "Ты расстроен?"

"Расстроен!" великодушно ответила Янь Хайши. Хуа Цюн собиралась уставиться на него. Он улыбнулся и сказал: "Но если у тебя все получится, будет хорошо, если ты будешь на мне".

Хуа Цюн дала ему пощечину и рассмеялась: "Только то, что ты можешь выдержать!"

Ее глаза потекли, ее яркие глаза были яркими и светлыми под светом, и она была полна улыбок.

Фэн Чживэй улыбался и наблюдал за флиртующей молодой парой, в его глазах мелькали радость и одиночество.

Гу Шаоэ, который никогда не разговаривал и ел грецкие орехи, серьезно смотрел на эту пару, склонив голову и не зная, что думать.

Янь Хуайши не мог оставаться надолго. Когда он что-то отправил, он ушел. Перед уходом он подмигнул Фэн Чживэю, и Фэн Чжи медленно кивнул.

"Сегодня рано ложись спать". Хуа Цюн сказал: "Я слышал, что сегодня в кабинете будет председательствовать Уголовный департамент или прямой суд трех отделов права. Это очень свирепо. Высочество сегодня тоже очень занят. В пользу резолюции необходимо также проследить, чтобы Министерство уголовных дел не могло сегодня выпускать мотыльков. Вы также должны быть осторожны, не надувает ли кто волосы в ваши уши. Он - князь трех отделов права. Неудобно встретиться с вами сегодня. Позвольте мне сказать вам, что он верит в вас, и

вы тоже ему верите".

"Естественно, ты должен ему верить". Фэн Чживэй лениво потянулся, "Ты не сможешь защитить меня, этот отдел наказаний не будет его потом, а их братья так близки, что могут прямо достать свои мечи. Вставай."

"Я здесь, потому что боюсь, что ночью кто-нибудь вынесет тебе мешок с грязью". Хуа Цюнь удобно легла и улыбнулась. "Я знаю, что у тебя должны быть договоренности, но чтобы быть спокойным, нужно увидеть все своими глазами".

"Кто, как не ты, может остаться здесь?" Фэн Чжи сжал ее руку и мягко сказал: "Спи".

Она медленно легла и заснула на своем мягком и удобном большом плаще, под которым была солома тюремной камеры, и раздался звук. Она подумала о своей матери и брате таким тонким голосом. Не такая уж и солома? Избалованный Фэн Хао испугался? Как Нянь его утешила?

В то время никто не приходил навещать тюрьму, никто не желал окропить их кровью, чтобы защитить их тела, никто не прислал теплый и мягкий большой сгусток, в последнюю ночь своей жизни, с паникой и печалью на руках, уснул в заплесневелой соломе.

Барабаны звучали все дальше вдалеке, достигая далеко отсюда, это звучало пусто и одиноко, бледно-желтый свет масляной лампы отражал темные тени в темной тюрьме тускло, слегка подкрадываясь, и казалось, что бесчисленные силуэты уходят прочь, Шагая медленно в тишине.

Тихо вздохнув, Фэн Чжи слегка приоткрыл глаза, оставаясь неподвижным.

В течение долгого времени в уголках ее глаз постепенно собирались хрустальные капли воды, становясь все больше и больше, и, наконец, упали в тяжелую дугу, дрожащую на ветру, как ветер, медленно стекая по уголкам глаз, и беззвучно просачиваясь в волосы.

Клочок черных висков мгновенно намок.

Впервые за два года она по-настоящему пролила слезы из-за смерти матери и брата. Сначала все слезы, упавшие на глазах императора Тяньшэна во дворце Нинъань, были актерскими. Она плакала, но ее сердце сжигали горе и гнев.

Позже, когда стража ночи, гроб, оставленный в тяжелом снегу дня, и две могилы были вырыты в лесу в пригороде Пекина, она ни разу не разрыдалась.

Самое кровавое воспоминание спрятано в глубине сердца, и она не дает себе возможности предаться горю.

Только слезы в сердце пропитывают горький китайский Новый год.

Сегодня вечером, в той же большой тюрьме, прошлое полно событий, поражающих снежным темпом того года.

Слезы были беззвучны.

Напротив Гу Наньи вдруг открыл глаза и тихо прислушался в темноте.

Он ничего не слышал, но казалось, что он все отчетливо слышит.

Слезы были беззвучны.

Вдалеке вдруг раздался сяосяо.

Фэн Чжи была ошеломлена.

В первый момент она подумала, что это Цзун Чэнь. По впечатлению, он очень хорошо играл на флейте, но так как она часто слушала, ей был знаком звук флейты Цзун Чэня. Звук его флейты был неземным и легким, как плывущие облака, с великолепной атмосферой.

Хотя мастерство этой флейты не уступает ему, она чище и глубже, нежнее и мягче. Хотя мелодия прохладная, в ней нет грусти и печали. Наоборот, есть превосходная атмосфера, которая слышится и мягко, и нежно. открыто.

Флейта - неземной инструмент, на ней легко сыграть грустный тон, но звук этой флейты особенный.

Внутренний двор Министерства уголовных дел занимает огромную площадь, а это подземелье уходит вглубь земли. Звук флейты может быть передан внутрь, доказывая, что другая сторона использовала внутреннюю силу и дула на флейту с помощью внутренней силы.

Фэн Чжи Вэй Нин тихо слушала в темноте, почти лелея каждый взлет и падение мелодии, эта мелодия очень странная, не та, что циркулировала по придворному городу, мелодии выравнивались, и микрополоска блуждала, напоминая мне о соблазне колебаться, блуждать по тем желаниям Тонкие эмоции, которые не смеют отступить.

Постепенно она становилась все тяжелее и тяжелее, плотно прижимаясь друг к другу и падая вместе. Выступал звук легкости и радости, нежный и протяжный, славный, как облака, прорвавшиеся сквозь луну, и прилив под луной.

Фэн Чживэй прислушался к тону, и его губы постепенно начали улыбаться, теперь он общался с флейтистом. Он знал, что в этот момент человек тоже должен быть погружен в радость.

Однако легкий и гибкий звук длился лишь мгновение, и вдруг наступил переломный момент, и опасным оказался трещащий звук. Услышав, что сердце Фэн Чживэя дрогнуло, звук Сяо колебался высоко, и серебряная бутылка прорвалась сквозь ветер и гром, как гром и гроза. За девять дней свет поднимается, облака растут, огонь разгорается, звезды падают... огромный и непоправимый разрыв между небом и землей...

<http://tl.rulate.ru/book/19936/2460374>